

31. Н. Arendt, *The Human Condition*, p. 187.
32. Н. Arendt, *Lectures on Kant's Political Philosophy*, pp. 58-59, 63.
33. Н. Arendt, *Some Questions of Moral Philosophy*, p. 142.
34. Ibid., p. 146.
35. Н. Arendt, *Lectures on Kant's Political Philosophy*, p. 63.
36. Ibid., p. 75.
37. L. Zerilli, *Feminism and the Abyss of Freedom*, p. 159.
38. D. Haraway, *Situated Knowledges*, p. 590.

УДК 17.032

Мухина Е. Н.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

СООТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ И СВОБОДЫ В ТЕОРИЯХ М. ФУКО И П. БУРДЬЕ

В данной статье анализируются теории власти Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё. Основным аспектом анализа является наличие индивидуальной свободы в структуре властных отношений. В связи с этим рассматриваются фукианские концепты дискурсивной власти, продуктивной власти, биовласти, концепция *Gouvernementalité*, а также концепты габитуса, капитала, пространства и поля, символической власти у Бурдьё. На основе результатов анализа делается вывод о том, что, несмотря на интернализацию и инкорпорацию господствующих структур, для индивида остается пространство для свободных действий и изменений властных отношений.

Ключевые слова: власть, свобода, дискурс, продуктивная власть, биовласть, габитус, поле, символическая власть.

У даній статті аналізуються теорії влади Мішеля Фуко та П'єра Бурдьє. Основним аспектом аналізу є наявність індивідуальної свободи в структурі владних відносин. У зв'язку з цим розглядаються фукіанські концепти дискурсивної влади, продуктивної влади, біовлади, концепція *Gouvernementalité*, а також концепти габітусу, капіталу, простору і поля, символічної влади у Бурдьє. На основі результатів аналізу робиться висновок про те, що, незважаючи на інтерналізацію та інкорпорацію панівних структур, для індивіда залишається простір для вільних дій і змін владних відносин.

Ключові слова: влада, свобода, дискурс, продуктивна влада, біовлада, габітус, поле, символічна влада.

This article analyzes the theory of power of Michel Foucault and Pierre Bourdieu. The main aspect of the analysis is the presence of individual freedom in the structure of power relations. In this regard, it considered Foucault's concepts of discursive power, productive power, biopower concept *Gouvernementalité*, as well as the concepts of habitus, capital, space and field, symbolic power by Bourdieu. Based on the results of the analysis it concludes that, despite the internalization and incorporation of the ruling structures for the individual is space for free actions, and changes in power relations.

Key words: power, freedom, discourse, productive power, biopower, habitus, field, symbolic power.

В последнее время в области исследований власти и властных отношений повышенное внимание к себе привлекают теории Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё. Их взгляд на власть – с одной стороны как на «сеть», в основном базирующуюся на дискурсах и понимаемую как структура господства (Фуко) или, с другой стороны, анализ символической власти в ракурсе габитуса и поля (Бурдьё) – отходят от классического, государствоцентрированного понимания власти. Теории Бурдьё и Фуко позволяют окинуть взглядом влияние нематериальной власти на процессы властных отношений и на проявления власти в языке. Теоретические разработки этих мыслителей включаются практически во все исследования в области разнообразия проявлений власти, концентрирующие свое внимание не только на суверенных государствах, а исследующие понятие «господство» как таковое. В то же время эти теории вносят свой вклад в

понимание отношений агента (субъекта) и структуры в концепте власти. Теории Фуко и Бурдье могут оказаться полезными потому, что они предлагают специфическое толкование отношений агента и структуры: агент, на котором фиксируются воздействия власти, все-таки имеет творческую свободу.

Часто считается, что оба автора в своих теориях власти совершенно не оставляют пространства для изменения или для свободы действующего субъекта – Фуко представляет «монизм власти», в котором для свободного субъекта нет никакого места, утверждает, например, Финк-Эйтель в своем «Введении в Фуко» [12, с. 88]. В отношении Бурдье было сказано, что его концепт является знаком «сверхструктурированной концепции человека» [35, с. 182]. По нашему мнению, обе указанные теории власти обеспечивают достаточно пространства для изменений и предусматривают свободного действующего субъекта.

В теории Фуко главными носителями власти являются дискурсы [* 1]. «Дискурсы – это то, за что и чем человек борется, власть, которую человек пытается узурпировать» [13, с. 11]. Дискурсы определяются как сочетание различных высказываний, они «придают речевым актам серьезность и таким образом отвечают на вопрос, что может восприниматься всерьез и кто имеет право говорить» [37, с. 77]. Они порождают единство из высказанных и невысказанных практик и институтов. Дискурсы имеют свой определенный порядок и проявляют в обществе, прежде всего, исключительное, а также подавляющее действие, так как они действуют как инстанции, которые решают, что должно приниматься за истину. Дискурсы различаются на «истинные и ложные», и это разделение Фуко определяет как «огромную исключительную машинерию» [13, с. 17] [* 2]. Внешние механизмы разделения и исключения дополняются и «внутренними» механизмами дискурсов. В качестве примера Фуко приводит принципы комментариев, авторов и дисциплин или таковые ритуалов, обществ дискурсов, доктрин и социальные возможности присвоения дискурсов [13, с. 30]. В то же время дискурсы выполняют и функцию подчинения, это Фуко показывает на примере доктрин [13, с. 29]. Но что же исключается и подчиняется? Каков объект этой дискурсивной власти? Фуко явно защищается от той точки зрения, которая рассматривает субъекта как порожденного структурой власти, так как в таком случае специфическое влияние дискурсов не находит никакого подтверждения [13, с. 31]. То есть в таком случае нет «другого власти». Иногда во время чтения Фуко появляется ощущение, что существует некий «изначальный дискурс», который впоследствии подчиняется господствующим дискурсам [* 3]. Такое наличие «изначального дискурса» как противоположного власти Фуко постоянно отрицает: «если и существуют системы прореживания, то это не означает, что где-то под ними, или по ту сторону их, царит некий великий безграничный дискурс, непрерывный и безмолвный, который будто бы оказывается ими подавлен или вытеснен, так что нашей задачей-де является помочь ему подняться, возвращая ему, наконец, слово» [13, с. 38].

В целом в теории дискурсов Фуко довольно спорным является ответ на вопрос, какая же именно область формируется властью. Эта проблема еще в большей степени проявляется в концепции Фуко о продуктивной дисциплинарной власти.

Концепт продуктивной власти Фуко развивает в «Надзирать и наказывать» и «Воле к истине». Здесь Фуко изменяет свой тематический фокус; он в первую очередь занят исследованием институтов, хотя и продолжает изучение дискурса и знания.

Вместо того чтобы сосредоточить свое внимание на негативных эффектах власти (исключение, подчинение), как это было применено в теории дискурса, Фуко занят исследованием позитивных эффектов власти, прежде всего, на основе функционирования институтов. Тюрьма, например, может быть представлена как «исключительная машинерия»; но для исследования эффекта исключения как такового одной тюрьмы недостаточно [16, с. 57]. Тюрьма является кажущейся неудачей: она производит правонарушителей, но в ней есть и позитивный эффект, если рассматривать ее не с отсылкой к ее прямой функции – ликвидации преступности. Создание преступной среды обеспечивает обществу определенные преимущества [14, с. 50]. В этом отношении тюрьма делает продуктивный вклад в общество. Изменение точки зрения на продуктивный эффект тюрьмы позволяет Фуко рассматривать власть как продуктивную дисциплинарную власть. Дисциплинарная власть является основным видом власти в современном капиталистическом обществе, в котором на первом месте стоит

контроль над людьми и их рабочей силой. Индивид должен по возможности как можно лучше быть включенным в аппарат производства [18, с. 184]. При этом власть связана с телом индивида, но не для того, чтобы его подчинить, а для того, чтобы сделать его использование более продуктивным. В этом отношении дисциплинарная власть формирует тела индивидов и впервые производит субъекта.

Это означает принципиальное изменение точки зрения на власть. Вместо того, чтобы исключать определенных индивидов (например, из области тех, кто в дискурсе может говорить и быть услышанным), действие продуктивной власти состоит в том, чтобы наоборот включать индивидов в производственный аппарат [17, с. 117]. Действие власти при этом не является чисто внешним, связанным только с дисциплиной тела, она также действует и на сознание людей – что и показывается в знаменитой метафоре паноптикума [18, с. 251]. Ответ на вопрос о том, что противопоставляется власти в свете теории дискурса Фуко найти не мог, но с перспективы концепта продуктивной власти данный вопрос вообще невозможен. Власть как продуктивный принцип является первостепенной, именно благодаря ей и производится субъект как таковой. Внешнее для власти в концепте продуктивной власти Фуко кажется просто немислимым: «Это иллюзия полагать, что безумие или преступность или преступления являются чем-то абсолютно внешним по отношению к нам. Ничто не является более внутренним нашему обществу и его властным проявлениям, чем несчастье сумасшедшего или насилие преступника... Исходящее извне слово – это сон, за который очень упорно цепляются. “Сумасшедшему” приписывают аутсайдерскую роль художника или монстра. Тем не менее, они заключены в нашей сети. Их становление и деятельность происходят в рамках систем и стратегий власти» [15, с. 85].

Фуко применяет это понимание продуктивной власти к своей изначальной теме, знания и дискурса. Согласно Фуко, действие дискурсов не является репрессивным: не существует неких объективных областей как, например, сексуальность, которые затем подавляет доминирующий дискурс. Вопреки распространенному мнению, механизм дискурса сексуальности состоит не в том, чтобы как можно дольше заставить его молчать. И здесь власть работает продуктивно. В области сексуальности речевые запреты и табу не являются первичными, решающим является обратный механизм: «дискурсивный взрыв и принуждение к признанию» [23, с. 27]. Дискурсы сначала создают предметные области, о которых они потом и говорят(ся) [23, с. 86].

Что касается науки и понимания истины, то здесь связь между властью и знанием является изначальной. Даже познающий субъект мыслит только в пределах властных отношений [13, с. 40]. Согласно Фуко, практически невозможно то, что власть осуществляется без знаний, и так же невозможно то, что знание не создает властных действий. Власть действует продуктивно, создает субъекта – власть и знание составляют один комплекс [33, с. 94]. И даже истина должна теперь рассматриваться иначе – истина как таковая невозможна ни вне власти, ни без власти [21, с. 38]. Концепт Фуко о продуктивной власти приобретает свое дальнейшее развитие в его анализе биовласти.

У Фуко концепт биовласти в некотором отношении можно назвать кульминацией концепта продуктивной власти. Власть суверена демонстрирует право на «поглощение», лишение сил подвластного, это инстанция, которая полностью использует силы индивида в своих интересах. Это можно сформулировать так: власть суверена является властью позволяющей жить и заставляющей умирать. В отличие от нее, биовласть позволяет умирать и заставляет жить [23, с. 165]. В своей концепции биовласти, таким образом, Фуко доводит до крайности концепт продуктивной власти – как власть к жизни, жизнеутверждающую власть. При этом дисциплинарная власть и биовласть образуют две нити одного механизма. Дисциплинарная власть направлена на тело индивида, биовласть – направлена на тело общества, народа, которые таким образом и создаются как единое тело [33, с. 136]. Биовласть осуществляется – в отличие от дисциплинарной власти – в основном посредством государства и применяется посредством норм, стандартов. Вместо законов, которые являются основными для отправления государственной власти, создающих четкую разграничительную линию послушание-непослушание, биовласть конструирует норму, вокруг которой она и организует субъекты [23, с. 172], она регулирует жизнь. Норма одновременно является сопряжением между индивидуальными дисциплинарными практиками и социальным регулированием,

которые направлены на население как целое: норма дисциплины и норма регулирования связываются [25, с. 55]. Таким образом, Фуко интегрирует дисциплины как форму власти среди других в одну всеобъемлющую биовласть.

Дискурсивная власть, дисциплинарная власть, продуктивная власть, биовласть: власть в теории Фуко имеет много названий и граней. Создается впечатление некой вездесущности власти. В связи с этим возникает вопрос – не пора ли уже говорить о «монизме власти» [12, с. 88]? Фактически, кажется, что довольно сложно определить область, которая не пронизана властью. В предыдущем рассуждении мы показали, что для Фуко дискурсы, знание и институты являются носителями власти. Труднее ответить на вопрос, имеется ли что-то вне власти. Ни «изначальный дискурс», ни «первоначальный опыт» не могут противопоставляться власти, даже безумие или преступность не могут рассматриваться в качестве подрывных элементов, как реальные противоположности власти. Но, в таком случае, возможно ли вообще представить изменение властных отношений или противостояние власти?

Концепция продуктивной власти Фуко как бы изначально позволяет мыслить власть только как всеобъемлющий принцип, предшествующий всему остальному. Даже наука не может расположиться вне эффектов власти, вне пределов власти не стоит искать даже истину; никто не может находиться на позиции «познающего субъекта» вне структуры власти, постольку и сам Фуко мыслил свою теорию только в пределах власти как сети. Фактически, многие критики Фуко также не видели никакой возможности найти место для свободного субъекта, так как продуктивная власть предшествует субъектам и их производит, субъекты начинают существовать только благодаря действиям власти. Посредством дисциплинарной власти субъект кажется редуцированным всего лишь к набору приобретенных поведенческих рефлексов. Дигезер формулирует в терминах Фуко: «власть не только производит субъектов, она находится в основе всех наших социальных практик: политики, медицины, религии, психиатрии, работы. Эти практики находятся в контексте, в котором власть везде. Ее невозможно избежать» [11, с. 980]. Также и для Тейлора у Фуко власть и свобода являются несовместимыми [40]. Согласно данной точке зрения также немислимы изменения концепта Фуко, это исключает все возможности для изменения или противостояния власти. В этом направлении идет критика Фуко Нэнси Фрейзер, когда она пишет: «Проблема в том, что Фуко называет властью слишком много различных вещей и просто оставляет все как есть» [29, с. 286].

Но именно в концепте продуктивной власти и находится ключ к пониманию отношений власти и свободы в теории Фуко. Радикальность такого продуктивного понимания власти очень часто недооценивается, к чему приводит ее интерпретация как не оставляющей никакого пространства для свободы и возможности для действия индивида.

Концепция продуктивной власти находится в оппозиции к предыдущим теориям власти, которые, согласно Фуко, слишком концентрировались на идее суверена: «Нужно отрубить голову королю: в политической теории этого до сих пор не сделали» [21, с. 92]. Концепция власти, которая исходит из идеи власти суверена, Фуко называет юридической теорией власти. Согласно этой теории власть описывалась как угнетающая, запрещающая, цензурирующая, организующая. Власть осуществляется в основном посредством законов. В любом случае, она является явно локализованной: суверен, обладает ею как неким товаром, вещью. Противоположностью власти в данном случае является субъект как угнетенный [23, с. 195]. Если встречаются власть и знание, речь идет об идеологии, и истина в таком случае находится вне власти, становится свободной от власти. Власть ограничивает и подчиняет, так говорит репрессивная гипотеза. Некоторые рудиментарные аспекты этой гипотезы были представлены и в теории дискурсов Фуко, даже в дисциплинарной власти существуют элементы репрессии, когда индивид «муштруется» институтами. От этих представлений Фуко со временем отделяется все больше и больше, потому что репрессия и идеология, обозначаемые как существенные механизмы власти, сами являются только эффектами сокрытия власти, посредством которых скрываются реальные действия власти. «Чистый предел свободы – это в нашем обществе форма, в которой власть делает себя приемлемой» [23, с. 107].

Этому Фуко противопоставляет свой концепт продуктивной власти, согласно которому действиями власти не являются угнетение, исключение и цензура. Власть также не дает себя

ограничить или сосредотачивать в неких конкретных местах (у суверена, у буржуа, у пролетария), а действует повсеместно в обществе в целом, в каждом социальном взаимодействии. Существенным является не то, кто обладает властью, а то, что она осуществляет, то есть ее действие [10, с. 100]. Важным в этом контексте является понятие диспозитива. Нет никого, кто держал бы «все нити в своих руках» и руководствовался бы определенной целью. Существуют только атомы власти, которые соединяются и создают диспозитивную стратегию [19, с. 88]. Диспозитивы являются ансамблями гетерогенных элементов, дискурсивные и недискурсивные, прежде всего институты, между которыми формируется сеть [20, с. 120]. Власть действует подобно сети через тончайшие разветвления как «микрופизика власти» [17, с. 32]. В этих «непрекращающихся войнах» и «разнообразных отношениях сил» власть в меньшей степени передается «сверху вниз», по большей части она также исходит и «снизу», так как она в принципе приходит «отовсюду» [23, с. 114].

Это, однако, также означает и то, что в концепте продуктивной власти Фуко не должно быть принято полное исключение свободы. Сутью концепции власти Фуко является не характеристика власти как ограничения свободы, как ее противоположного принципа, а именно слияние власти и свободы: «Но если власть везде, то не существует никакой свободы. Я отвечаю: если в каждом общественном поле существуют отношения власти, то это потому, что везде есть свобода» [24, с. 20].

Поскольку власть не является противоположностью свободы, а включает ее в себя, невозможность помыслить внешнее по отношению к власти не означает, что при этом невозможно и противостояние власти. Тем не менее, даже противостояние – которое лучше проиллюстрирует слово противовласть – не является чем-то внешним по отношению к власти, но само и есть власть. Возможность к противостоянию заложена в концепте власти Фуко. Она была заложена уже в концептуализации власти во времена создания концепта продуктивной власти: «Власть – это не вертикальный действующий сверху вниз принцип, это точечные отношения и взаимодействия сил [23, с. 113]. Такое понимание предполагает возможность противодействия, потому что, если власть точечная, атомарная, то она всегда нестабильна. Отдельные атомы власти показывают «преломления, развороты, вращения, изменения направления и сопротивления» [10, с. 103], или как формулирует Фуко: «как сеть властных отношений образует плотную ткань, которая пронизывает аппараты и институты, не будучи привязанной к ним, так и разбрасываются точки сопротивления по всем социальным слоям и индивидуальным единствам. При этом нет «места восстания», а точки сопротивления присутствуют везде во властной сети» [23, с. 117]. Поэтому Фуко ссылается и в «Надзирать и наказывать», и в «Воле к знанию» на возможные противодействия в виде бунтов заключенных или контр-дискурсов.

Таким образом, Фуко указывает на возможности к противодействию, которые заложены в его концепте власти. Тем не менее, концептуальное положение этих контр-движений остается не совсем ясным. Фуко говорит о «промежутках власти» [20, с. 131], что наводит на мысль о том, что противодействие может развиваться только там, где власти нет. В то же время Фуко избегает противопоставления власти и противодействия: «Я не противопоставляю субстанцию власти субстанции противостояния. Я просто говорю: пока существуют властные отношения, существует и возможность противодействия власти. Мы никогда полностью не поглощены властью: при определенных условиях и при наличии четкой стратегии всегда можно отразить ее атаку» [22, с. 196].

В этой цитате появляется мысль о нежелании противопоставлять друг другу власть и противодействие, понимать противодействие как нечто внешнее или другое по отношению к власти, и, в то же время, власть является тем, против чего направлена борьба, постольку это и является противоположностью власти. Эту амбивалентность фукианского концепта власти также подверг критике Пулансас: «Это понятие обозначает с одной стороны, властное отношение, с другой стороны – и очень часто оба одновременно – один из полюсов отношений власть-противодействие» [36, с. 138].

Это – кажущееся – противоречие, скорее всего, можно разрешить, обратившись к фукианскому пониманию господства. Фуко тщательно различает власть и господство: «Мне кажется, среди властных отношений как стратегических игр следует различать свободу <...> и состояния господства, которые и являются тем, что обычно называют властью» [24, с. 26].

Для Фуко господство имеет место в том случае, когда мы имеем дело со статичными, застывшими властными отношениями, которые являются необратимыми, когда нет никакой возможности для изменения состояния. В отличие от власти здесь имеется специфический репрессивный характер. Поле властных отношений блокируется, здесь для свободы нет никакого места [24, с. 11]. Понятие господства сродни принуждению и насилию. Такой вид статических властных отношений может быть представлен различными отношениями и при помощи различных инструментов: милитаристские, политические, экономические, сексуальные состояния господства [24, с. 20]. Если Фуко определяет властные отношения как ценностно-нейтральные, то в случае господства это неверно. Господство, согласно Фуко, – в отличие от неизбежности действий власти – должно быть по возможности сведено к минимуму: «Идея о том, что может быть состояние коммуникации, в котором игры истины могут циркулировать без препятствий, ограничений и принуждения, кажется мне относящейся к отряду утопий. Но это вовсе не значит, что властные отношения сами по себе являются чем-то плохим, от чего следует освободиться. Мне кажется, что не существует общества без властных отношений, при условии, что понимаются стратегии, с которыми индивиды пытаются руководить и определять отношения с другими. Проблема, таким образом, состоит не в том, чтобы попытаться растворить власть в утопии совершенно прозрачной коммуникации, а в том, чтобы создать правовые нормы, методы управления, а также мораль, которые позволят в пределах властных отношений играть с наименьшими расходами на господство» [24, с. 25].

Таким образом, согласно Фуко, речь идет не о том, чтобы устранить власть, это было бы иллюзорно, а о том, чтобы побороть состояние господства. Следует осуществлять сопротивление против структур господства как блокирующих властные отношения: обратимые властные отношения должны заменить статичные состояния господства.

Эти соображения можно еще лучше объяснить, если мы рассмотрим последнее изменение в концепте власти Фуко – а именно, концепт *Gouvernementalité* [* 4]. В своих последних работах, касающихся *Gouvernementalité*, фукианское понимание власти как ценностно-нейтральных властных отношений, которые включают в себя свободу, в противоположность к концепту господства становится еще более отчетливым. Фуко представляет всеобъемлющую концепцию власти. Власть означает любое взаимодействие, воздействие на другое действие [26, с. 252]. Поэтому неправильно говорить о власти, лучше говорить о властных отношениях. В каждом человеческом взаимодействии действуют властные отношения. При этом, согласно Фуко, властные отношения не являются чем-то «плохим», власть не является «злом», не существует общества без властных отношений в смысле «стратегических игр» [24, с. 25]. Управление в этом контексте может означать как государственное правление, так и отношения внутри семьи, воспитание детей. Важность концепции управления проявляется в широком контексте *Gouvernementalité*. Фуко использует *Gouvernementalité* прежде всего как инструмент анализа. С его помощью он исследует, как развивалось искусство управления от меркантилизма к физиократам, затем от либерализма и до современности [33, с. 169].

Фуко хочет определить специфические рациональности каждой отдельной эпохи, которые отражены в политических программах и руководящих принципах соответствующих времен. При этом свои теоретические результаты Фуко практически использует для связи власти и истины в развитии генеалогических концептов. Не всегда Фуко считает выводы своих предыдущих исследований верными, в некоторых местах он отходит от своих предыдущих результатов анализа. Эта концепция власти отличается от предыдущих тем, что определение власти как управления предполагает отношение индивида к самому себе, потому что человек может управлять и самим собой. В последних частях «Сексуальности и истины», то есть в «Использовании удовольствия» [27] и «Заботе о себе» [28], Фуко исходит из того, что независимо от внешних обстоятельств индивид всегда имеет пространство для свободного действия, например, в том, что он может решать, как применять к себе определенные имеющиеся моральные кодексы. Фуко называет это искусством управлять самим собой. В качестве примера ему служит античная этика, которая, согласно Фуко, руководствуется целью быть свободным. В отличие от нее, христианскую этику Фуко трактует как форму подчинения. В связи с античной этикой эту область «самоуправления» он понимает как технику свободы [27; 28]. Эта выраженная концептуализация свободного пространства для

індивіда не противоречит предыдущим произведениям Фуко, так как уже там было возможным наличие свободы для развития личности. Концепция *Gouvernementalité* представляет собой в некоторых важных аспектах синтез предыдущих элементов и вопрошаний Фуко и должна пониматься как дальнейшее развитие концепта власти без отбрасывания ранних выводов, хотя некоторые авторы усматривают здесь некий «разрыв» между теорией власти Фуко и его поздними работами [12].

Вопреки распространенной точке зрения, в своей теории власти Фуко не исключает того, что существует свобода и возможности для самостоятельного действия индивида. Особенно отчетливо это видно в последних работах Фуко, в которых власть анализируется как управление. Тем не менее, даже в его ранних работах по дискурсивной власти и продуктивной (дисциплинарной и био) власти можно найти соответствующие аспекты. Фукианское понимание власти как продуктивной силы не содержит прямого исключения свободы, как это было в ранних концепциях власти, которые определяли власть как угнетение. В этом смысле вездесущность власти и ее подобное сети выражение в обществе не имеет в виду того, что при этом свобода является невозможной, также всегда присутствует и противодействие власти. Фуко особенно в своих поздних работах, в которых власть определяется как «правление», интересуется тем, как индивид может управлять сам собой. При этом становится понятно, что для Фуко индивид не является ни полностью свободным, ни полностью определяющимся властью – для индивида всегда остается некое пространство для личной свободы. Спротивление доминирующему дискурсу является возможным, имеется пространство для изменений. Даже размышления Фуко об этике можно считать оппозиционной практикой свободы.

Как и Фуко, Бурдьё далек от классических теорий власти. Он понимает власть, прежде всего, как нечто символическое, или символически опосредованное. Для него возникает вопрос, почему угнетенные принимают ситуацию, в которой они подвергаются дискриминации. Именно здесь Бурдьё и сталкивается с феноменом символической власти. Он указывает социальные неравенства и отношения господства в своей теории капитала и показывает, как подобные социальные отношения интернализируются индивидом и принимаются без возражений. Это сразу ставит вопрос о том, каким образом в теории Бурдьё возможно свободное пространство для индивида и как могут быть концептуализированы изменения. Это будет рассмотрено в дальнейшем повествовании, но сначала, по аналогии с изложением теории Фуко, будет коротко изложена теория власти Бурдьё. К основным положениям теории власти Бурдьё относятся концепты капитала, класса и габитуса.

Бурдьё использует – с отсылкой к Марксу, но со значительным расширением его концепции – термин капитал для того, чтобы объяснить, что ресурсы и возможности в обществе распределяются неравномерно. И здесь имеется в виду не только экономический капитал, а также и культурные компетенции, которыми обладает индивид (культурный капитал), возможности извлекать выгоду из социальных отношений (социальный капитал) [2]. Социальное пространство в целом можно определить исходя из отдельных дифференцированных в соответствии с видами капитала полей. Дифференциация на различные поля на основе капитала делает ясным то, что экономическое поле не является единственно релевантным, даже если оно часто и доминирует [39, с. 84]. При этом поля по аналогии с конвертируемостью капитала принципиально проницаемы друг для друга [32, с. 56]. Каждое поле подчиняется своей собственной логике; соответственно различные капиталы одинаково важны. Так, например, социальные отношения, согласно Бурдьё, в поле бизнеса и сфере предпринимательской деятельности являются особенно важными, социальный капитал здесь является решающим [32, с. 61]. В этом отношении можно различать отдельные, определяемые различными видами капитала поля и пространство, которое является «полем полей» [1, с. 124], или, другими словами, «поле социальных классов». Подобно капиталам и их распределению проектируется и модель социального пространства, в которой индивиды позиционируются в зависимости от того, каким капиталом они обладают. Это является основным аспектом в определении класса, согласно Бурдьё.

Комплексное осмысление капитала показывает, что неравенство существует и что это приводит к конституализации определенных позиций в социальном пространстве. Вопрос теперь в том, почему это неравенство приемлемо даже для тех, кто находится в невыгодном

положении. Это связано с институционализацией и инкорпорацией капитала. Отправной точкой для рассмотрения инкорпорации капитала является констатация того, что индивиды адаптируют определенный стиль жизни в зависимости от социального положения. Бурдьё отмечает, что жизненные стили различных индивидов аналогичного социального положения схожи, это дает основание для того, чтобы утверждать о существовании «гомогенности разнообразия, гомологии» [38, с. 70]. Основываясь на том, какой стиль жизни ведет индивид, можно причислить его к определенному классу. Для того чтобы концептуализировать этот момент, Бурдьё вводит понятие габитуса. Профицит или дефицит ресурсов формируют габитус индивида, который включает в себя его социальное поведение, эстетическое чувство, его речь, а также его жестикуляцию или его вкус (в еде, в одежде, относительно искусства). Восприятие реальности индивидов формируется в соответствии с внешними условиями. Это объясняет интернализацию власти: посредством габитуса структура проникает в индивида; внешние структурные законы проникают в когнитивные структуры индивида, в его собственную логику действий [38, с. 68]. Габитус оказывает воздействие на тело индивида (телесный хексис, привычка) и на его сознание (докса).

Габитус формирует телесную привычку индивида (хексис), потому что излишек или нехватка ресурсов имеют не только внешнее, поверхностное действие на индивида, но и прямо инкорпорируются индивидом. Индивид уже не подвергает сомнению обстоятельства своей жизни, слишком сильно они стали частью его самого. В этом отношении индивиды относительно поля, в котором они родились, находятся в своего рода первоначальной вере (доха) [3, с. 69]. Доксы, таким образом, являются выражением первоначального признания поля, о социальной конструированности которого индивиды забыли, так как они находятся в «первоначальном соучастии» между габитусом и полем [34, с. 214].

Понимание габитуса только как инкорпорированной структуры далеко не исчерпывает его значений. Такое «плоское» его понимание не учитывает активного участия индивида в (ре)производстве структуры, и поэтому не соответствует важности индивида в теории Бурдьё. Структура потому и существует, что репродуцируется посредством восприятия и действия индивида. Восприятие индивида способствует поддержанию структуры, а точнее именно оно и конструирует эту структуру. Это является конструктивистской частью теории Бурдьё, и он сам определяет себя как «конструктивистского структуралиста» [4, с. 14]. При этом, однако, следует учесть, что сами эти восприятия формируются посредством структуры: «Без сомнения, агенты обладают активным восприятием мира. Без сомнения, агенты конструируют собственное видение мира. Но это конструирование происходит под структурным давлением» [4, с. 18].

Капитал в основном используется для того, чтобы обеспечить своему обладателю более высокое место в социальной иерархии, но капиталы сами по себе имеют обязанность скрывать символический, социально признанный капитал и его экономический характер [30, с. 37]. Символический капитал понимается как «ощутимая и как легитимная признанная форма трех других капиталов (обычно называется престижем, репутацией и т. п.)» [5, с. 11]. Обладать символической властью значит иметь право определять, какое мировоззрение может считаться легитимным, и, таким образом, чьи мировоззрение и интересы могут быть установлены в качестве *sensus communis* (здорового смысла) общества. Власть базируется на символическом капитале, то есть на накопленном признании, которое уже удалось получить индивиду или группе, что является результатом предыдущих конфликтов, споров, полемики. Здравый смысл, следовательно, признается всеми членами общества, он делает возможным «построение общезначимого мира» [6, с. 730], который индивиды посредством доксы беспрекословно принимают. Здравым смыслом Бурдьё обозначает измерение общественного консенсуса о ценностях общества. Можно сказать, устанавливается некий вид консенсуса, который базируется на легитимации. При этом, однако, термины признания и легитимности у Бурдьё имеют несколько иное значение, чем у других авторов [31]. У Бурдьё признание не является взаимным, а базируется только на основе необратимого признания посредством подвластного [30, с. 39]. Здесь стоит вспомнить габитус и доксу: социальные отношения инкорпорируются и интернализируются, при этом имеется в виду «предсознательный», квази-телесный акт, а не некое рациональное принятие решения.

Как в таком случае можно говорить о самоопределении индивидов и отношении общества? Когда общественные властные процессы направляют индивида в его поведении и восприятии, как в таком случае представима свобода индивида? В отличие от Фуко, у Бурдьё в центре анализа стоит не субъект, а социальный агент. Габитус, телесный гексис и докса следят за тем, чтобы социальные структурные условия были усвоены индивидом, были им интернализированы. Появляется вопрос, какое пространство в теории Бурдьё остается свободным для индивида, как в отношении собственной жизни индивида, так и в отношении возможности участвовать или даже изменять (что в принципе одно и то же) общественный порядок, в котором он живет. Бурдьё в отношении индивида, прежде всего, исходит из инкорпорации внешних законов функционирования. Даже в отношении интимных вещей, таких как вкус или стиль жизни, индивиды действуют – вопреки своему собственному восприятию – прежде всего согласно структурной логике, потому что их собственное восприятие уже является совместимым (конформным) с этими внешними условиями. Как уже упоминалось, при этом остается очень мало места для добровольности и самоопределения. Даже посредством конструктивистских элементов в свою теорию Бурдьё не вносит никаких моментов свободы для индивида. Различия и чувство собственной позиции по большей части не знакомы индивидам, то есть не осознаются индивидом, они следят, прежде всего, за репродукцией структуры. Посредством теории габитуса «детерминизм сдвигается, так сказать, внутрь агента, но побежденным при этом, как кажется, он не является» [39, с. 67].

«Подход Бурдьё является знаком “сверхструктуралистской концепции человека”: габитус является не более чем выражением для перевода экономической свободы в кажущуюся свободу стиля жизни, субъективность есть по большей части социальная субъективность, но не в смысле уникальной, самобытной идентичности <...>» [35 с. 182] – пишет Мюллер. Но эту точку зрения можно оспорить.

Первый аргумент против строго структуралистского прочтения теории Бурдьё следует из его понимания «правил». Бурдьё строго различает между механическим следованием правилам и закономерностями. Вполне вероятно, что индивид будет перенимать тот габитус, который по своей структурной позиции будет ему близок [7, с. 40]. Это можно проследить, основываясь на различении поля и пространства. Пространство является аналитически вышестоящим уровнем, который описывает социальную ситуацию в целом, в то время как поля представляют отдельные частичные области общества. Но описывать пространство только как вышестоящий уровень было бы слишком просто. Пространство также обозначает другую перспективу социального, нежели поле. Описывая габитус с перспективы пространства, группировки отдельных габитусов в своей гомологии представляются как классовый габитус, и индивидуальный габитус в таком случае является всего лишь модификацией классового габитуса. С перспективы поля габитус будет, напротив, рассматриваться не с точки зрения классового габитуса, он может рассматриваться сам по себе, и здесь нет идентичных габитусов [3, с. 112]. В этом отношении концепт габитуса с перспективы поля содержит в себе целый веер возможностей для индивида. Структурные условия менее строго определяют индивидуальное поведение, чем может показаться при первом взгляде на теорию Бурдьё – он не приемлет жестких правил структурализма, считает его слишком строгим, редуцирующим индивида к простому носителю структур. Поэтому он вводит в свою теорию агента с собственным игровым полем для действий: «Действие не является простым исполнением правила, подчинением правилу. Социальные агенты, как в архаических обществах, так и в нашем, не являются автоматическими исполнителями правил <...>» [8, с. 19].

В то же время Бурдьё не является жертвой «наивного финализма», согласно которому действия агентов зависят только от их собственной воли и от их намерений. Заявленной целью Бурдьё является соединение объективизма и субъективизма [4, с. 15]. Этот аспект концепции Бурдьё может хорошо проиллюстрировать понятие стратегии, потому что она описывает, как индивиды согласовывают свои действия на основе определенной степени гибкости и свободы, тем не менее, соблюдая структурные условия. Вместо, например, строгих правил вступления в брак, которые развили структуралистские исследования в архаических обществах, Бурдьё исходит из брачных стратегий, посредством которых индивиды пытаются улучшить свою собственную позицию. Для Бурдьё стратегии не являются результатом рациональных размышлений индивида, но габитуса, соответствующего тому или иному полю. Габитус как

инкорпорированная структура, как бессознательное знание о структурных условиях поля, позволяет индивидам проблематизировать события и разрабатывать решения для них. Габитус генерирует стратегии, которые становятся эффективными в качестве продукта «практического смысла как смысла игры» [7, с. 79]. В этом отношении это есть структуры, которые направляют стратегии, взаимодействия и обмен индивидов [9, с. 484], причем индивиды не являются просто исполнителями того, что им предписано. Им остается гибкость и разнообразие действий. Вопрос только в том, какие у индивида есть возможности изменить и структуру, в которой он живет, вместо того, чтобы только слепо ее репродуцировать.

Для ответа на этот вопрос, прежде всего, нужно увидеть, что восприятия индивидов не в полной мере являются отражением внешних условий, «интернализацией внешнего», так как внешней структуре всегда присущ момент неопределенности и расплывчатости [4, с. 20]. Символические стратегии также могут быть использованы и со стороны подвластного для того, чтобы манипулировать структурой. Существует некая определенная автономия символического. Это можно показать на примере блефа, при котором некто приписывает себе социальное положение, которое ему не принадлежит. Успешный «блеф» является возможностью избежать ограничений определенного социального положения в игре с автономией символического поля. Как только один уверен в согласии и признании других, новое социальное положение утверждается как объективированное и легитимное [6, с. 393]. Автономия является всего лишь относительной, так как материально-структурные принуждения все еще имеют влияние на символическом уровне. [5, с. 28]

Структура учреждается в определенной степени посредством распределения капитала и на символическом уровне посредством символического капитала, однако, она также может всегда быть вовлечена в игру и изменяться [5, с. 27]. Это происходит в символических войнах. Они имеют место постоянно в обществе, и актуальное состояние является всего лишь вырезкой из постоянно происходящих событий борьбы. Каждое поле является «сценой более или менее открыто декларированной борьбы за определение легитимных принципов разделения поля» [5, с. 27]. Цель состоит в том, чтобы оказывать влияние на восприятие агентов [5, с. 18]. Так как схемы восприятия агентов не определяется ни посредством господствующих социальных структур, ни посредством господствующего здравого смысла, как считалось первоначально, символические стратегии могут быть использованы для того, чтобы их изменить и тем самым изменить или законсервировать структуру. Символическому уровню присуща частичная независимость, так как существуют возможности для «блефа». Политическое поле при этом как таковое является символическим [5, с. 37], потому что здесь имеют место символические конфронтации по поводу легитимности власти. Эффективность символических стратегий политического поля проявляется в формировании групп [4, с. 24]: здесь действует символическая и политическая власть как «власть основного закона» (конституции), которая по существу функционирует посредством языка. Называя группы и давая им представителей, она и осуществляется. Этот основной закон групп не может осуществляться согласно произволу, потому что отдельные индивиды уже должны проявлять определенное сходство социальной позиции по отношению друг к другу. Тем не менее, конституционный акт является очень важным, потому что именно на том основании, что у группы имеется представитель, из отдельных индивидов конституируются группы, которые затем идентифицируются с этим представителем [4, с. 23; 5, с. 37].

Таким образом, концепция габитуса Бурдьё предоставляет больше свободного места для индивида, чем дают помыслить некоторые способы ее прочтения. Ни в коем случае нельзя индивидуальным габитус или поведение индивида выводить только из структуры. По большей части агенты действуют подобно игрокам, со знанием ограничений и правил игры, которые применяются в поле и которым они – по большей части интуитивно – следуют, но в то же время творчески и свободно. В своем восприятии индивиды ограничены посредством докс, внешних обстоятельств и здравого смысла, но, однако, не так строго обусловлены, как считалось ранее. Концепция Бурдьё оставляет больше игрового пространства для отклонений, и именно на этой неопределенности восприятий может основываться политическое действие, чтобы достичь посредством изменения категорий восприятия изменения социального мира.

В заключение нашего небольшого анализа хотелось бы подытожить. Прежде всего, следует понимать власть опосредованно через дискурс, анализировать ее продуктивное

влияние, и рассматривать ее при этом как сеть, распространяющуюся на все слои общества, а не сосредоточением в руках некоего центрального агента – это подход Фуко. Бурдьё фокусируется на символической власти и ее влиянии и, таким образом, понимает ее действие как признание и репутацию. Обе теории далеки от государствоцентрированной теории власти и помогают лучше понять природу нематериальной власти, а также взаимоотношения агента (субъекта) и структуры внутри властных отношений.

Теории Бурдьё и Фуко являются очень различными также и в том, что касается взглядов на индивида. В то время как Фуко занимается субъектом в философской и психологической перспективе, Бурдьё интересуется социальным агентом. Тем не менее, оба автора, несмотря на их различия в анализе индивида и его свободы, проявляют сходства. Исследования обоих основаны на отношениях структур власти и индивидуальной возможности действовать. Как было показано, у обоих авторов речь идет ни о проектировании полностью свободного агента, ни о понимании агента как полностью подчиненного социальной структурой. Бурдьё сам себя называет «конструктивистским структуралистом», который хочет объединить «объективизм и субъективизм». В то время как индивид всегда является также и продуктом социальных структур, которые характеризуют его габитус и схемы восприятия, все-таки для него всегда остается пространство влиять на эту структуру и на господствующий здравый смысл и изменять их. Агент, например, может сознательно использовать и изменять свой габитус, что Бурдьё определяет как «блеф». Символические войны, в которых имеет место борьба за схемы восприятия в обществе и легитимность, являются еще одной возможностью оказывать влияние на общество. Это все же остается несколько неопределенным, но посредством анализа дискурса Фуко можно достичь большей конкретизации. Фуко описывает в деталях, как дискурс производит определенные идентичности и субъекты – это является продуктивным аспектом власти. В этой области для индивида остается определенное свободное пространство, которое, прежде всего, состоит в том, чтобы отказываться от идентичностей или находить новые формы, «управлять самим собой». В любом случае, концепции власти Фуко и Бурдьё не являются статичными, а оставляют пространство для свободы индивида и изменения существующих властных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

* 1. В «Археологии знания» Фуко еще связан с внутренними правилами формирования дискурса и в значительной степени игнорировал детерминацию посредством других факторов, в «Порядке дискурса» он обращается ко взаимодействиям между факторами власти и правилами дискурса.

* 2. Например, исходным тезисом Фуко в «Безумие и общество» является то, что интернирование сумасшедшего имеет свои корни в содержании прокаженных. После вымирания прокаженных лепрозории не были снесены, так как родилась новая техника – техника исключения – которую теперь можно было использовать на других группах населения.

* 3. «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [13, с. 24].

* 4. Мы намеренно оставили данный термин без перевода, так как отразить его точный смысл и игру слов при переводе с французского довольно затруднительно. Традиционный перевод данного термина как «управление» из-за своей теоретической узости, на наш взгляд, не подходит, так как он отражает только одну сторону процесса – государственное управление, но теряется связь данного термина с мышлением, психологией, менталитетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Accardo A. Initiation à la sociologie de l'illusionisme social / Alain Accardo. – Bordeaux : Ed. Le Mascaret, 1987. – 211 p.
2. Bourdieu P. The forms of capital / Pierre Bourdieu // Handbook of theory and research for the sociology of education / [ed. by Richardson J. G.]. – New York, Westport, London, 1986. – pp. 241-258.

3. Bourdieu P. Sozialer Sinn. Kritik der theoretischen Vernunft / Pierre Bourdieu. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 1993. – 512 s.
4. Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power / Pierre Bourdieu // Sociological Theory. – Vol. 7. – № 1 (Spring, 1989). – pp. 14-25.
5. Bourdieu P. Sozialer Raum und «Klassen» / Pierre Bourdieu. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 2000. – 85 s.
6. Bourdieu P. Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft / Pierre Bourdieu. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 1987. – 917 s.
7. Bourdieu P. Ce que parler veut dire : [Vortrag auf dem Kongress des AFEF, 30.10.1977] / Pierre Bourdieu // Bourdieu P. Questions de sociologie. – Paris : Les Editions de Minuit. – 277 p.
8. Bourdieu P. Fieldwork in Philosophy : [Interview mit A. Honneth, H. Kocyba und B. Schwibs] / Pierre Bourdieu // Bourdieu P. Choses dites. – Paris : Les Editions de Minuit, 1987. – pp. 13-37.
9. Bourdieu P. Politisches Feld und symbolische Macht / Pierre Bourdieu // Berliner Journal für Soziologie, 1991. – Heft 4. – S. 483-489.
10. Deleuze G. Foucault / Gilles Deleuze. – Paris : Minuit, 2004. – 141 p.
11. Digeser P. The fourth face of power / Peter Digeser // The Journal of Politics. – 1992. – Vol. 54. – № 4. – pp. 977-1007.
12. Fink-Eitel H. Michel Foucault zur Einführung / Hinrich Fink-Eitel. – Hamburg : Junius Verlag, 2002. – 148 s.
13. Foucault M. Die Ordnung des Diskurses / Michel Foucault. – Frankfurt/Main : Fischer Taschenbuch, 1998. – 93 s.
14. Foucault M. Von den Martern zu den Zellen : [ein Gespräch mit Roger-Pol Droit] / Michel Foucault // Mikrophysik der Macht. Michel Foucault über Strafjustiz, Psychiatrie und Medizin. – Berlin, 1976. – S. 48-54.
15. Foucault M. Die gesellschaftliche Ausweitung der Norm : [ein Gespräch mit Pascale Werner] / Michel Foucault // Mikrophysik der Macht. Michel Foucault über Strafjustiz, Psychiatrie und Medizin. – Berlin, 1976. – S. 83-89.
16. Foucault M. Über Attica : [ein Gespräch mit John K. Simon] / Michel Foucault // Mikrophysik der Macht. Michel Foucault über Strafjustiz, Psychiatrie und Medizin. – Berlin, 1976. – S. 54-68.
17. Foucault M. Die Macht und die Norm / Michel Foucault // Mikrophysik der Macht. Michel Foucault über Strafjustiz, Psychiatrie und Medizin. – Berlin, 1976. – S. 114-124.
18. Foucault M. Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses / Michel Foucault. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 1993. – 408 s.
19. Foucault M. Recht der Souveränität – Mechanismus der Disziplin : [Vorlesung vom 14. Januar 1976] / Michel Foucault // Dispositive der Macht. – Berlin : Merve Verlag, 2008. – S. 75-96.
20. Foucault M. Ein Spiel um die Psychoanalyse : [Gespräch mit Angehörigen des Departement de Psychanalyse der Universität Paris / Vincennes] / Michel Foucault // Dispositive der Macht. – Berlin : Merve Verlag, 2008. – S. 118-176.
21. Foucault M. Wahrheit und Macht : [Interview mit A. Fontana und P. Pasquino] / Michel Foucault // Dispositive der Macht. – Berlin : Merve Verlag, 2008. – S. 21-65.
22. Foucault M. Nein zum König Sex : [Gespräch mit Bernard-Henry Lévy] / Michel Foucault // Dispositive der Macht. – Berlin : Merve Verlag, 2008. – S. 176-199.
23. Foucault M. Der Wille zum Wissen. Sexualität und Wahrheit / Michel Foucault. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 1987. – Band 1. – 160 s.
24. Foucault M. Freiheit und Selbstsorge : [Gespräch mit Michel Foucault] / Michel Foucault // Freiheit und Selbstsorge : [Interview 1984 und Vorlesung 1982, Materialis] / [Helmut Becker (Hrsg.)]. – Frankfurt/Main, 1985. – S. 9-31.
25. Foucault M. Leben machen und sterben lassen: Die Geburt des Rassismus / Michel Foucault // Foucault M. Bio-Macht / Michel Foucault, Sebastian Reinfeld, Richard Schwarz. – Duisburg : DISS, 1992. – S. 27-51.
26. Foucault M. Wie wird Macht ausgeübt? / Michel Foucault // Dreyfuß H. L. Michel Foucault. Jenseits von Strukturalismus und Hermeneutik / Hubert L. Dreyfuß, Paul Rabinow. – Frankfurt/Main : Beltz Athenäum, 1994. – S. 251-264.
27. Foucault M. Der Gebrauch der Lüste, Sexualität und Wahrheit / Michel Foucault. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 1989. – Band 2. – 326 s.

28. Foucault M. Die Sorge um sich, Sexualität und Wahrheit / Michel Foucault. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 1989. – Band 3.– 315 s.
29. Fraser N. Foucault on modern power: Empirical insights and normative confusions / Nancy Fraser // Praxis international. – Volume I. – pp. 272-287.
30. Göhler G. Symbolische Macht. Zur institutionen theoretischen Bedeutung von Pierre Bourdieu / Gerhard Göhler, Rudolf Speth // Institutionen und Ereignis: über historische Praktiken und Vorstellungen gesellschaftlichen Ordens / [Reinhard Blänkner, Bernhard Jussen (Hrsg.)]. – Göttingen, 1998. – S. 17-48.
31. Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur Moralischen Grammatik sozialer Konflikte / Axel Honneth. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 2010. – 340 s.
32. Kraus B. Soziales Feld, Macht und kulturelle Praxis. Die Untersuchungen Bourdieus über die verschiedenen Fraktionen der «herrschenden Klasse» in Frankreich / Beate Kraus // Klassenlage, Lebensstil und kulturelle Praxis / [Klaus Eder (Hrsg.)]. – Frankfurt/Main, 1989. – S. 47-89.
33. Lemke Th. Eine Kritik der politischen Vernunft. Foucaults Analyse der modernen Gouvernementalität / Thomas Lemke. – Hamburg : Argument, 2011. – 408 s.
34. Miller M. Systematisch verzerrte Legitimationsdiskurse. Einige kritische Überlegungen zu Bourdieus Habitusstheorie / Max Miller // Klassenlage, Lebensstil und kulturelle Praxis / [Klaus Eder (Hrsg.)]. – Frankfurt/Main, 1989 – S. 191-219.
35. Müller H.-P. Kultur, Geschmack und Distinktion. Grundzüge der Kulturosoziologie P. Bourdieus / Hans-Peter Müller // Kultur und Gesellschaft. Sonderheft der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie / [Neidhardt E., Lepsius M. R., Weiß J. (Hrsg.)]. – Opladen, 1986. – S. 162-190.
36. Poulantzas N. L'Etat, le Pouvoir, le Socialisme / Nicos Poulantzas. – Paris : Les Prairies ordinaires, 2013. – 387 p.
37. Rabinow P. Michel Foucault. Jenseits von Strukturalismus und Hermeneutik / Paul Rabinow, Hubert L. Dreyfuß. – Frankfurt/Main : Beltz Athenäum, 1994. – 327 s.
38. Schwingel M. Analytik der Kämpfe. Macht und Herrschaft in der Soziologie Bourdieus / Markus Schwingel. – Hamburg: Argument, 1993. – 280 s.
39. Schwingel M. Pierre Bourdieu zur Einführung / Markus Schwingel. – Hamburg: Junius Verlag, 2000. – 181 s.
40. Taylor Ch. Foucault on Freedom and Truth / Charles Taylor // Foucault: A critical reader / [ed. by David Couzens Hoy]. – Oxford, 1986. – pp. 69-102.

УДК 1(091)(430)

Терещенко Ю. Д.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

НАЗАД К ГЕГЕЛЮ: О СПОСОБАХ РЕАКТУАЛИЗАЦИИ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Предмет исследования – творческое наследие Г. В. Ф. Гегеля. Изучая ранние работы Гегеля, автор обнаружил, что они не только являются значимой частью гегелевского наследия, необходимой для правильного прочтения и понимания работ зрелого Гегеля, но и представляют собой часть особого комплекса специфических духовных упражнений. В статье осуществлена попытка рассмотрения Вильгельма Гегеля через тройную оптику: молодой Гегель – зрелый Гегель, Гегель – Вильгельм Дильтей, Гегель – Пьер Адо. По мнению автора, такой взгляд способен разрушить ряд грубых предрассудков, касающихся творческой истории апостола спекулятивного идеализма.

Ключевые слова: Г. В. Ф. Гегель, немецкая классическая философия, В. Дильтей, П. Адо, духовные упражнения.

Предмет дослідження – творча спадщина Г. В. Ф. Гегеля. Вивчаючи ранні роботи Г. В. Ф. Гегеля, автор виявив, що вони не тільки є значущою частиною гегелівської спадщини, необхідною для правильного прочитання і розуміння зрілого Гегеля, але й являють собою частину